

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russian Federation

<http://www.econ.msu.ru>

Preprint series of the economic department 0039

Бюджетные правила и процикличность бюджетной политики в России

Аблаев Э.Ю., Магжанов Т.Р.

О статье

Ключевые слова:

бюджетные правила в России;
процикличность бюджетной политики;
квартальные данные.

Key words: fiscal rules in Russia; procyclical fiscal policy; quarterly data.

JEL: E37, E62, H50.

Аннотация

Данная статья посвящена изучению роли бюджетных правил в процикличности фискальной политики. Авторы исследуют взаимосвязь между бюджетными правилами и процикличностью расходов федерального бюджета в России в период с 2003 по 2020 гг. В ходе работы были построены и оценены на квартальных данных различные спецификации ARDL-моделей. Результатом исследования стало обнаружение положительной связи между наличием бюджетных правил на процикличность бюджетной политики в России. В периоды функционирования бюджетных правил расходы федерального бюджета в среднем являлись проциклическими по отношению к фазе делового цикла. Временная приостановка или отмена бюджетных правил была связана с увеличением контрцикличности бюджетных расходов. Авторы делают вывод о неспособности бюджетных правил, нацеленных на сглаживание преимущественно нефтегазовых доходов, обеспечить проведение контрциклической фискальной политики в России.

This article examines the role of fiscal rules in the problem of procyclical fiscal policy. The authors analyze the relationship between fiscal rules and the procyclical nature of federal budget expenditures in Russia in the period from 2003 to 2020. In the course of the work, various specifications of ARDL models were built and evaluated on the basis of quarterly data. The authors show the positive relationship between the fiscal rules and the procyclicality of fiscal policy in Russia. During the periods of functioning of the fiscal rules, federal budget expenditures were, on average, procyclical in relation to the phase of the business cycle. The temporary suspension or cancellation

of fiscal rules was associated with an increase in the countercyclicality of federal budget expenditures. The authors conclude that fiscal rules, which aimed at smoothing mainly oil and gas revenues, are incapable of ensuring the implementation of countercyclical fiscal policy in Russia.

I. Введение

Бюджетным правилом называются законодательно закреплённые количественные ограничения, накладываемые на элементы бюджетной системы, такие как объём государственного долга, величина бюджетного дефицита, расходы и доходы бюджета и другие параметры фискальной политики. Параметры и конструкция правила определяют границы бюджетной политики. Необходимость следовать бюджетным правилам препятствует политически мотивированным и далеко не всегда экономически обоснованным и эффективным решениям в сфере экономической политики [Кудрин, Соколов, 2017, с. 6]. Среди основных целей бюджетных правил выделяют обеспечение долгосрочной устойчивости фискальной системы и способствование макроэкономической стабильности.

Изучая влияние фискальной политики на стабильность макроэкономической ситуации, под которой понимается низкий уровень волатильности макроэкономических показателей, исследователи обнаруживают, что процикличность фискальной политики является одним из ключевых факторов, дестабилизирующим экономику и тем самым снижающим общественное благосостояние (см., в частности: [Gavin et al., 1996]; [Hnatkovska, Loayza, 2004]; [Husain et al., 2008]). Процикличность бюджетной политики определяется изменением доходов и расходов государственного бюджета в соответствии с фазой экономического цикла, что ещё больше усиливает циклические колебания и дестабилизирует экономику. Цель по стабилизации экономики кажется ещё более важной с точки зрения обнаруженного негативного влияния волатильности на экономический рост [Fatas, Mihov, 2008].

Как отмечают исследователи, одним из ключевых критериев хорошего бюджетного правила должна являться его способность стабилизировать макроэкономическую волатильность путём обеспечения контрцикличности бюджетной политики [Eyraud et al., 2018]. Тем не менее, предыдущие исследования обнаруживают, что само по себе наличие механизма бюджетного правила, особенно в странах-экспортёрах природных ресурсов, может не приводить к макроэкономической стабильности и устойчивости фискальной системы (см., в частности: [Mauri et al., 2010]; [Bova et al., 2016]). Хотя многие страны уже пользуются бюджетными правилами, однако причинно-следственная связь между наличием правила и процикличностью бюджетной политики остаётся недостаточно

исследованной темой, интерес исследователей к которой не затихает [Misra, Ranjan, 2018, p. 208]. Проблема процикличности бюджетного правила и бюджетной политики является актуальной в том числе и для России.

В подготовленном Министерством финансов Российской Федерации документе¹ к законопроекту «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» предполагается нормализация бюджетной политики, согласно которой в числе прочего подразумевается определение предельного объёма расходов федерального бюджета с 2022 г. по обычным параметрам бюджетного правила, введённого в 2018 г.: величина максимальных расходов будет определяться суммой базовых нефтегазовых доходов (рассчитанных при базовой цене на нефть), ненефтегазовых доходов федерального бюджета, расходов на обслуживание государственного долга (процентные платежи) и размером допустимого структурного первичного дефицита. Единственное отличие заключается в том, что в новой конструкции допустимый размер структурного первичного дефицита ограничен 0,5% ВВП². Таким образом, формула действующей конструкции бюджетного правила выглядит следующим образом:

$$\text{Макс. расходы} = \text{Базовые НГД}^3 + \text{ННГД}^4 + \text{Процентные платежи} + 0,5\% \text{ ВВП} \quad (1)$$

Оценивая эффективность данной конструкции, исследователи отмечают, что данное бюджетное правило не позволяет проводить контрциклическую бюджетную политику в условиях макроэкономического кризиса [Соколов и др., 2021, с. 69]. Такой недостаток проявился в ходе кризиса 2020 г. В результате решения направить на поддержку экономики больше средств федерального бюджета, чем предполагалось по нормативно установленным положениям, произошло фактическое нарушение бюджетного правила. Однако работы, посвящённые изучению российского опыта реализации бюджетной политики «по правилу», ограничивались констатацией процикличности бюджетного правила, не проводя эмпирической оценки данного утверждения.

Таким образом, в качестве цели данной работы мы определяем проверку того, насколько наличие бюджетных правил в России способствовало проведению контрциклической бюджетной политики. Наша гипотеза заключается в том, что наличие бюджетных правил способствовало усилению процикличности расходов федерального

¹ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов

² Ранее этот параметр задавался в Бюджетном кодексе в абсолютных величинах: на 2022-2023 гг. его размер определялся 585 млрд рублей.

³ НГД – нефтегазовые доходы

⁴ ННГД – ненефтегазовые доходы

бюджета в России. Целью нашей работы является эмпирическая проверка данной гипотезы, а также интерпретация полученных результатов.

В разделе 2 рассматриваются существующие эконометрические подходы к оценке процикличности бюджетных правил. Сопоставив достоинства и недостатки различных подходов, мы выбираем оптимальный с точки зрения поставленной цели. В разделе 3 рассматриваются использованные нами данные и описывается эмпирическая стратегия. В разделе 4 приводятся результаты и представляется их интерпретация. В заключении приводится ряд соображений и аргументов, подкрепляющих полученный вывод.

II. Методы оценки процикличности бюджетных правил

В исследовательской литературе, посвящённой оценке процикличности бюджетной политики и, в частности, бюджетных правил, не было найдено большого числа работ, в которых бы изучалась процикличность бюджетного правила на данных одной страны. Как правило, в исследованиях используются панельные данные группы стран.

Используемые методики исследования цикличности бюджетной политики можно разделить на два принципиальных подхода [Raut, Raju, 2019, p. 10]. Первый подход основан на оценке корреляции между циклической составляющей выпуска и переменной бюджетной политики (государственные расходы, первичный баланс бюджета и др.). В основном, исследования, целью которых является изучение процикличности бюджетного правила одной страны, используют именно такой подход. В рамках данного метода в качестве примера можно привести работу, посвящённую оценке процикличности правила в Чили [Fuentes et al., 2021, p. 24]. В данном исследовании авторы обнаруживают контрцикличность бюджетного правила на основании 10-летней скользящей корреляции между циклической компонентой бюджетных расходов от циклической компоненты ВВП. Однако такой метод, на наш взгляд, не кажется подходящим для исследования процикличности бюджетного правила в России ввиду меньшего периода фискальной политики «по правилам» в сравнении с чилийским опытом, который насчитает порядка трёх десятилетий почти непрерывного использования бюджетных правил. Другим аргументом может выступать и то, что такой подход не учитывает вклад других факторов в динамику рассматриваемых показателей.

Второй подход, которым пользуются преимущественно авторы работ, изучающих процикличность бюджетной политики на данных группы стран, основан на построении регрессий, в которой бюджетные расходы (уровень, циклическая составляющая, разность логарифмов и др.) рассматриваются в качестве зависимой переменной, а переменные выпуска (темпы роста, разность логарифмов, разрыв выпуска), и ряд контрольных

макроэкономических показателей (темпы инфляции, уровень долга, верховенство закона [Misra, Ranjan, 2019, p. 219], сальдо счёта текущих операций [Combes et al., 2017, p. 143] и др.) используются в качестве регрессоров. Мы полагаем, что в рамках нашего исследования является возможной имплементация второго подхода для оценки процикличности бюджетного правила в России.

Поскольку в работах, оценивающих цикличность бюджетного правила, используются панельные данные по группам стран, то они лишены проблемы достаточного количества годовых наблюдений. Существенным ограничением наших возможностей является то, что бюджетные правила⁵ в России функционировали в общей сложности 9 лет (2004-2008; 2013-2014; 2018-2019).

С момента ввода в действие первой конструкции правила (2004 г. – создание стабилизационного фонда, установление базовой цены на нефть) правила зачастую подвергались заморозкам, отменам и пересмотрам. При этом поверхностный взгляд на динамику ключевых параметров федерального бюджета в 2000-2020 гг. и их связь с темпами экономического роста в период наличия и отсутствия действующего правила не позволяет дать объективную оценку процикличности или контрцикличности данного механизма (Рисунок 1).

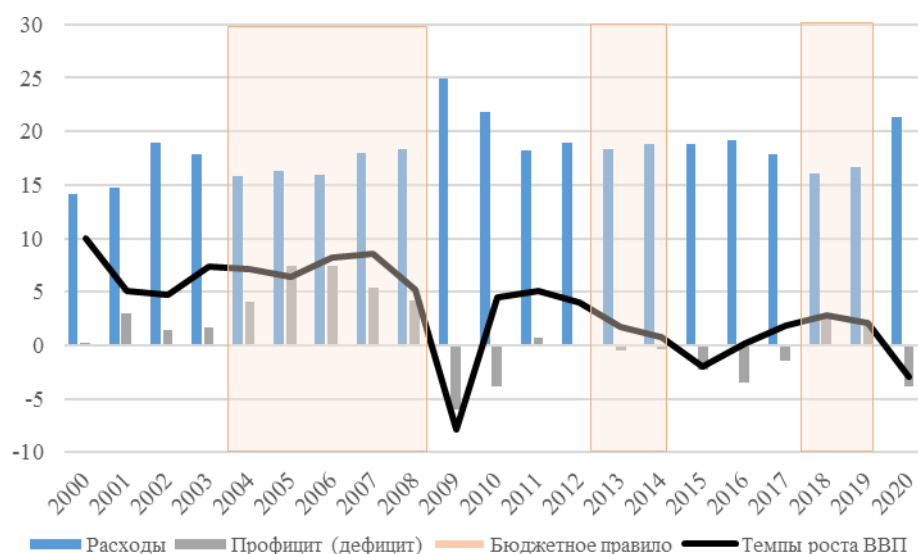

Рисунок 1 – Параметры федерального бюджета в 2000-2020 гг., % от ВВП.

Источник: Федеральное казначейство, Росстат.

Важной для нас работой стало исследование Ilzetki и Vegh, в котором авторы для оценки процикличности бюджетной политики используют различные эконометрические методы (инструментальные переменные, GMM, МНК-оценка одновременных уравнений)

⁵ Имеются в виду правила, ограничивающие расходы федерального бюджета.

для оценки модели векторной авторегрессии на квартальных данных [Ilzetki, Vegh, 2008].

Хотя основным выводом работы является обнаружение процикличности фискальной политики в развивающихся странах, авторы также доказывают большую уместность использования квартальных данных при построении векторной авторегрессии с целью оценки процикличности расходов. Данный вывод является важным для нас, поскольку позволяет также обратиться к квартальным значениями для увеличения числа наблюдений.

Таким образом, мы в определенном смысле опираемся на подход Ilzetki, Vegh, 2008. В их работе структурная форма модели с «запаздывающими» расходами записывается в виде:

$$\begin{cases} g_t = \beta y_{t-1} + \varepsilon_t \\ y_t = \alpha y_{t-1} + \phi g_t + \mu_t, \end{cases} \quad (2)$$

, где g_t, y_t – разрывы расходов и ВВП соответственно, а ε_t и μ_t – случайные шоки.

Авторы также проверяют и подтверждают предпосылку о том, что расходы не реагируют моментально на выпуск.

Данную систему уравнений можно записать в приведенной форме, однако для проверки гипотезы о процикличности или контрцикличности расходов достаточно обратить внимание на первое уравнение в системе. В приведенной форме уравнение для расходов будет иметь точно такой же вид. Можно было бы добавить инерцию для расходов (по аналогии с выпуском), однако результаты свидетельствуют о том, что в этом нет необходимости. Поскольку целью нашей работы не является получение импульсных функций отклика, мы концентрируемся лишь на первом уравнении из данной системы. Мы добавляем переменную $D * y_{t-1}$, которая становится основной переменной интереса. D – бинарная переменная, равная 1 для тех периодов времени, когда бюджетное правило выполнялось. Таким образом, коэффициент при $D * y_{t-1}$ будет отражать изменение процикличности или контрцикличности бюджетных расходов в периоды работы бюджетного правила. Мы также добавляем набор экзогенных контрольных переменных: реальная цена нефти, разрыв выпуска в странах OECD и лаг разрыва счета текущих операций для России (по аналогии с Combes et al., 2017).

III. Данные и эмпирическая стратегия

В центре нашего внимания располагается период с 2003 по 2020 гг. Мы использовали квартальные расходы федерального бюджета, полученные из ежемесячных отчётов Федерального казначейства об исполнении консолидированного бюджета РФ (на 1 апреля,

1 июля, 1 октября и 1 января, соответственно)⁶. Квартальные объёмы ВВП были взяты на сайте Росстата⁷. Для получения значений в реальном выражении, используя индекс-дефлятор, мы привели квартальные расходы бюджета и объёмы выпуска к неизменным ценам 2019 года⁸, а затем подверглись сезонной корректировке.

Квартальные значения сальдо счёта текущих операций были получены из данных о платёжном балансе, публикуемых Банком России⁹. Значения показателя были приведены к долларовой цене 2019 года, а затем скорректированы на сезонность. В качестве квартальных показателей цены на нефть нами использовались цены на нефть марки Brent, приведённые к ценам 2020 года. Ещё одним показателем, используемым в качестве контрольной переменной, стал разрыв совокупного выпуска в странах OECD, полученный суммой сезонно скорректированных в реальных ценах ВВП всех стран-участниц¹⁰.

Циклическая компонента сезонно сглаженных квартальных значений в реальном выражении расходов федерального бюджета, ВВП России, сальдо текущего счёта и совокупного выпуска стран OECD выявлялась с помощью HP-фильтра (лямбда=1600).

Далее мы приведём таблицу с используемыми в работе условными обозначениями показателей и их расшифровкой (Таблица 1).

Таблица 1. Расшифровка условных обозначений показателей

Обозначение переменной	Расшифровка
govs_gap_hp	Циклическая компонента расходов федерального бюджета
gdp_gap_hp	Разрыв выпуска, оцененных HP-фильтром
gdp_gap_QPM	Разрыв выпуска, взятый из QPM-модели
D	Фиктивная переменная бюджетного правила (1=действует)
D_gdp_gap_hp_lag	Произведение фиктивной переменной правила на лаг разрыва выпуска, оцененного HP-фильтром
D_gdp_gap_QPM_lag	Произведение фиктивной переменной правила на лаг разрыва выпуска, взятого из QPM-модели
oil_real	Цена на нефть марки Brent в реальном выражении
CA_gap_hp	Циклическая компонента сальдо счёта текущих операций

⁶ Федеральное казначейство. Консолидированный бюджет Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzheta/konsolidirovannyj-byudzheta/191/>

⁷ Национальные счета. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/accounts?print=1>

⁸ Индексы-дефляторы. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/81f7au5s/tab4.htm>

⁹ Банк России. Статистика внешнего сектора. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/

¹⁰ OECD Data. Gross domestic product (GDP). URL: <https://data.oecd.org/>

oecd_gap_hp	Разрыв совокупного выпуска стран OECD, оцененный НР-фильтром
-------------	--

Источник: составлено авторами.

Оцениваемая нами на квартальных данных базовая модель имеет следующий вид:

$$g_t = \beta y_{t-1} + \theta * D * y_{t-1} + Controls_t + \varepsilon_t \quad (3)$$

В данной форме уравнение представляет собой ARDL-модель с нулевым сдвигом (без константы). Отсутствие константы объясняется как теоретически (разрыв в среднем равен нулю при нулевых разрывах прочих переменных), так и статистически: константа была незначима при включении ее в модель.

ARDL-модели являются гибкими в смысле необходимых предпосылок. Они не накладывают ограничений на стационарность используемых временных рядов, однако требуют, чтобы отсутствовала автокорреляция остатков уравнения. Для проверки данного условия проводится тест Дарбина-Вотсона, расчетная статистика которого (DW) должна быть близка к 2. Во всех приведенных модификациях тест не отвергал гипотезу об отсутствии автокорреляции остатков (DW находилась в диапазоне 2.08-2.2), и это хорошо.

Мы приводим 2 таблицы с результатами для базовой модели: в одной из них используется разрыв выпуска, рассчитанный нами самостоятельно (НР-фильтр, лямбда = 1600), в другой – разрыв выпуска, полученный из QPM-модели Банка России (методология соответствует Орлов, 2021) Таблицы не противоречат друг другу, что говорит об устойчивости полученных результатов.

Модификация модели, использующая годовой лаг разрыва выпуска, выглядит следующим образом:

$$g_t = \beta y_{t-1} + \gamma * y_{t-4} + \theta * D * y_{t-4} + Controls_t + \varepsilon_t \quad (4)$$

Мы также задаемся вопросом о том, присутствует ли процикличность или контрцикличность бюджетных расходов относительно лага выпуска в один год. Содержательно, лаг разрыва выпуска в один год оказался значимым при его включении и положительным, а следовательно, можно говорить о процикличности бюджетных расходов относительно него. В таком случае можно проверить гипотезу о том, как изменяется мера процикличности в период действия бюджетного правила. Поэтому мы по аналогии с базовой модификацией добавляем $D * y_{t-4}$ в модель.

IV. Результаты

Первая спецификация базовой модели (уравнение 1) – пристрельная. Необходимо было понять, включать цену нефти и разрывы с лагами или без (Таблица 2). В итоге следует остановиться на третьей спецификации (уравнение 3). В пользу неё говорит также скорректированный R^2 .

Таблица 2. Результаты оценки базовой модели (разрыв ВВП оценен НР-фильтром)

Метод оценки - МНК			
Зависимая переменная: govsgap_hp			
	(1)	(2)	(3)
gdp_gap_hp	0.8301 (0.5325)	0.8947* (0.5137)	0.8584* (0.5016)
gdp_gap_hp_1	-1.011 (0.8581)	-1.370*** (0.5011)	-1.271*** (0.4677)
D_gdp_gap_hp_1	1.592* (0.9097)	1.860*** (0.7051)	1.737*** (0.6421)
oil_real	-0.0006 (0.0012)	-0.0004*** (0.0001)	-0.0004*** (0.0001)
oil_real_1	0.0002 (0.0013)		
oecd_gap_hp	-2.878*** (0.8425)	-3.189*** (1.043)	-3.022*** (0.8344)
oecd_gap_hp_1	-0.7216 (1.057)		
CA_gap_hp	0.0007747 (0.0010)		
CA_gap_hp_1	-0.002854** (0.0013)	-0.0025*** (0.0009)	-0.0026*** (0.0009)
govsgap_hp_1	-0.07431 (0.1625)	-0.0667 (0.1547)	
n	71	71	71
Испр. R^2	0.1289	0.1641	0.1732

В скобках указаны стандартные ошибки

* обозначает значимость на 10-процентном уровне

** обозначает значимость на 5-процентном уровне

*** обозначает значимость на 1-процентном уровне

Коэффициент при переменной интереса – положительный, что говорит о том, что процикличность усиливается в периоды действия бюджетного правила. Хотя заметим, что если убрать переменную интереса из модели, то коэффициент при переменной разрыва оказывается не значимым. То есть в среднем расходы ацикличны. Расходы также контрцикличны по отношению к внешним условиям (отрицательный знак при цене на нефть, ВВП внешнего сектора и СТО). Текущий разрыв выпуска (gdp_gap_hp) – значим на

10%. Это может говорить о том, что он почти не оказывает никакого эффекта на текущий разрыв расходов. В пользу этого утверждения говорят результаты следующей таблицы, в которой использовались значения разрыва ВВП из QPM-модели (Таблица 3).

По результатам оценки базовой модели, использующей разрыв ВВП из QPM-модели, стоит отметить, что все сделанные ранее выводы остаются прежними (Таблица 3). Текущий разрыв выпуска не оказывает никакого влияния на текущий разрыв расходов. Это подтверждает предположение в исходной модели Ilzetki, Vegh, 2008.

Таблица 3. Результаты оценки базовой модели (разрыв ВВП взят из QPM-модели)

Метод оценки - МНК			
Зависимая переменная: govvs_gap_hp			
	(1)	(2)	(3)
gdp_gap_QPM	-0.9032 (1.156)	-0.0598 (0.8197)	-0.1398 (0.6871)
gdp_gap_QPM_1	-0.5874 (1.416)	-1.567** (0.7168)	-1.396*** (0.5061)
D_gdp_gap_QPM_1	2.946** (1.225)	3.078*** (1.027)	2.912*** (0.8825)
oil_real	-0.0002 (0.0012)	-0.0005*** (0.0002)	-0.0004*** (0.0001)
oil_real_1	-0.0003 (0.0013)		
oecd_gap_hp	-1.074 (1.146)	-1.824 (1.100)	-1.661* (0.8500)
oecd_gap_hp_1	-0.9669 (1.042)		
CA_gap_hp	0.0017 (0.0012)		
CA_gap_hp_1	-0.0017 (0.0010)	-0.0016** (0.0007)	-0.0018*** (0.0005)
govvs_gap_hp_1	-0.0716 (0.1560)	-0.07140 (0.1613)	
n	70	70	70
Испр. R ²	0.1196	0.1530	0.1621
lnL	60.1	59.75	59.57

В скобках указаны стандартные ошибки

* обозначает значимость на 10-процентном уровне

** обозначает значимость на 5-процентном уровне

*** обозначает значимость на 1-процентном уровне

В таблице 4 представлены результаты оценки модификации модели для оценки цикличности бюджетного правила с различной периодичностью цикла (1 квартал – вторая

спецификация и 1 год – третья спецификация). Данный подход позволяет учесть тот факт, что оценка цикличности может быть различной в зависимости от того, какой порядок лага разрыва выпуска рассматривается.

Таблица 4 – Результаты оценки модифицированной модели

Метод оценки - МНК			
Зависимая переменная: govvs_gap_hp			
	(1)	(2)	(3)
gdp_gap_QPM_1	-0.9548** (0.3619)	-1.554*** (0.4364)	-1.491*** (0.4108)
gdp_gap_QPM_4	1.283*** (0.4794)	0.9433** (0.4343)	0.8935* (0.4801)
oil_real	-0.0002* (0.0001)	-0.0004** (0.0001)	-0.0003*** (0.0001)
oecd_gap_hp	-1.545*** (0.5559)	-1.533*** (0.4747)	-1.198*** (0.3801)
CA_gap_hp_1	-0.0021*** (0.0006)	-0.0016*** (0.0006)	-0.0017*** (0.0006)
D_gdp_gap_QPM_1		2.177** (0.9415)	
D_gdp_gap_QPM_4			2.956*** (1.058)
n	67	67	67
Испр. R ²	0.1703	0.1859	0.1874
lnL	55.81	56.99	57.05

В скобках указаны стандартные ошибки

* обозначает значимость на 10-процентном уровне

** обозначает значимость на 5-процентном уровне

*** обозначает значимость на 1-процентном уровне

Можно сделать вывод о том, что в среднем проводимая бюджетная политика контрциклична по отношению лагу разрыва выпуска в 1 квартал и проциклична – к лагу в 1 год. Несмотря на данное различие, действие бюджетного правила усиливает процикличность как в первом случае, так и во втором. Где политика была проциклична, она становится «еще более процикличной», а где политика была контрцикличной, она становится процикличной.

V. Заключение

Ключевым результатом проделанной работы является обнаружение того, что функционирование бюджетных правил ассоциировалось с процикличностью расходов федерального бюджета. Качественная интерпретация и обоснование достоверности

получившегося вывода требует более глубокого погружения, как в специфику механизма бюджетных правил, так и в особенности принятия политических решений.

На первый взгляд может показаться, что все когда-либо действующие конструкции бюджетных правил в России различны между собой. Однако в основании всех правил находилась концепция сглаживания нефтегазовых поступлений бюджета посредством накопления конъюнктурных нефтегазовых доходов. Стоит отметить, что доля нефтегазовых доходов в рассматриваемый период в общем объёме доходов федерального бюджета находилась в диапазоне 30-45%, то есть ненефтегазовые доходы составляли больше половины всех поступлений. Таким образом, бюджетные правила ограничивали рост расходов посредством фиксации лишь части бюджетных доходов, не трогая ненефтегазовые доходы. В периоды функционирования правила в ситуации высокой конъюнктуры правило отсекало только небольшую часть сырьевого цикла, при этом деловой цикл, от которого фактически зависят ненефтегазовые налоговые доходы бюджета, правилами не учитывался. Именно этой особенностью объясняется процикличность бюджетных правил в период их функционирования.

Особенностями механизма бюджетных правил также объясняется полученный нами вывод о том, что в периоды отсутствия правила бюджетная политика вела себя контрциклично. В периоды сильного спада экономики правило позволяет закорить лишь часть расходов бюджета посредством обеспечения базовых нефтегазовых доходов за счёт расходования средств из нефтегазовых фондов. Однако при этом совокупные расходы бюджета сокращаются на величину падения ненефтегазовых поступлений (преимущественно, налоговых платежей), которые, как уже было отмечено выше, ведут себя проциклично по отношению к деловому циклу. Возникает ситуация, что беспрекословное следование правилу в периоды экономического кризиса должно приводить к снижению государственных расходов, а значит невозможности оказания фискальных мер антикризисной поддержки.

Правила отменяли из-за того, что они не позволяли руководящим органам принимать меры, необходимые на их взгляд для выхода из кризисной ситуации. Во времена неопределённости необходимость придерживаться правила каждый раз подвергалась сомнению, и экономическая политика переходила в режим «ручного управления». Обычно такая дискреционная политика заключалась в определении того уровня дополнительных бюджетных расходов, который, как полагали, необходим для преодоления кризиса. Таким образом, выбирая путь «ручного» вмешательства, правительство исправляла процикличность бюджетных правил. Именно несоответствие конструкции правила целям

проведения адекватной бюджетной политики в периоды спада экономики определяло неустойчивость правил.

Список литературы

1. Bova E., Medas P., Poghosyan T. (2016) Macroeconomic Stability in Resource-Rich Countries: The Role of Fiscal Policy // IMF Working Paper No. 16/36. 28 p.
2. Combes J., Minea A., Sow M. (2017) Is fiscal policy always counter- (pro-) cyclical? The role of public debt and fiscal rules // Economic Modelling, 65, p. 138-146
3. Eyraud L., Duarte L. V., Dudine P, Peralta-Alva A. (2018) How to Select Fiscal Rules: A Primer // IMF How To Notes 9. 24 p.
4. Fatas A., Mihov I. (2008) Fiscal discipline, volatility and growth // Prudence or abstinence? Fiscal Policy, Stabilization, and Growth. World Bank. p. 43-74.
5. Fuentes R., Schmidt-Hebbel K., Soto R. (2021) Fiscal Rule and Public Investment in Chile // IDB Working Paper Series N° IDB-WP-1189. 70 p.
6. Gavin M., Hausmann R., Perotti R., Talvi E. (1996) Managing Fiscal Policy in Latin America and the Caribbean: Volatility, Procyclicality, and Limited Creditworthiness // IDB Working Paper. № 326. 23 p.
7. Hnatkovska V., Loayza N. (2004) Volatility and Growth // The World Bank. No. 3184. 40 p.
8. Husain A., Tazhibayeva K., Ter-Martirosyan A. (2008) Fiscal Policy and Economic Cycles In Oil-Exporting Countries // IMF Working Paper. No.WP/08/253. 23 p.
9. Ilzetzki E., Vegh C. (2008) Procyclical Fiscal Policy in Developing Countries: Truth or Fiction? // NBER Working Papers, 14191. 31 p.
10. Mauri V., López-Murphy P, Ossowski R. (2010) Riding the Roller Coaster: Fiscal Policies of Nonrenewable Resource Exporters in Latin America and the Caribbean // IMF Working Paper 10/251. 45 p.
11. Misra S., Ranjan R. (2018) Fiscal Rules and Procyclicality: An Empirical Analysis // Indian Economic Review, 53, p. 207-228.
12. Raut D., Raju S. (2019) Fiscal Rules and Cyclicity of Fiscal Policy: Evidence from Indian States // Reserve Bank of India Occasional Papers Vol. 40, No. 2. 32 p.
13. Кудрин А. Л., Соколов И. А. (2017) Бюджетные правила как инструмент сбалансированной бюджетной политики // Вопросы экономики. №11. С. 5– 32.
14. Соколов И. А., Белёв С. Г., Сучкова О. В. (2021) Как обеспечить бюджетную устойчивость в России? // Проблемы прогнозирования. №4. С. 66 – 76.
15. Орлов А. Квартальная прогнозная модель России. Москва: Банк России, 2021.

